

В качестве основы используется выделенная нами эстетическая модель города-праздника в культурологических концепциях Й. Хейзинги и М. Бахтина. В эстетической модели праздничного города Й. Хейзинги акцентируется ее визуальный аспект, в котором ключевой характеристикой образа города является его наглядность. Модель праздничного города у М. Бахтина выстраивается на эстетике площадного слова и карнавальной культуры. Ключевым слагаемым архетипа города-праздника является праздничное мироощущение как состояние городского сознания. В романе Хемингуэя анализируется процесс десакрализации праздника как мироощущения в образе Парижа на уровне текста и подтекста – праздничность и веселье представляют собой форму забытья, скрывающего состояние тревоги, одиночества и тоски.

Ключевые слова: город-праздник, эстетическая модель города, праздничное мироощущение, образ Парижа, мотив круговорота, текст и подтекст.

Summary

In article is focused on investigation of holiday city phenomenon as cultural archetype and process of its transformation in the modernistic literature (on a material of E. Hemingway's novel "Fiesta"). The city-holiday aesthetic model in J. Hejzinga's and M. Bakhtin's culturological concepts is used as a basis. The visual aspect is accented in Hejzinga's holiday city aesthetic model with the key characteristic of the city image as its presentation. M. Bakhtin's holiday city model is built on an market-place words aesthetics and carnival cultures. Key compose of the city-holiday archetype is the holiday attitude as a condition of city consciousness. In the E. Hemingway's novel process of a holiday attitude desacralisation in Paris image is analized at the text and implied sense level – conviviality and fun represent the form of the drowsiness, hiding a condition of alarm, loneliness and melancholy.

Keywords: city-holiday, city aesthetic model, the holiday attitude, an image of Paris, motive of circulation, the text and implied sense.

УДК 821.161.1:22 (И. Бродский)

Андросов В. А.,

магистрант,

Львовский национальный университет

имени Ивана Франко

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ СБОРНИКА "ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ")

Иосифа Бродского сегодня нередко воспринимают в качестве "последнего поэта XX века", хранителя культурной традиции. Соединив уроки нескольких поэтических школ в своем творчестве, он создал качественно новую структуру поэтического языка и расширил метафизические горизонты поэтического мира. В то же время эстетика Бродского, по мнению М. Н. Липовецкого, является "не столько математической суммой модерна, постмодерна и традиционализма, сколько интегрированием всех этих художественных систем, извлечением общего для всех художественного и филологического корня" [3, 666].

А. Ранчин отмечает, что "стихотворения И. Бродского – это своеобразный "каталог русской лирики" [6, 11]. Вполне естественно, что в этот "каталог" органично вошли произведения, так или иначе связанные с религиозно-философским контекстом русской культуры. Со времени становления древнерусской словесности Библия, собрание священных книг христиан и иудеев, служила богатейшим и уникальным в своем роде источником тем и мотивов, стимулировавшим духовные поиски

русских писателей и философов. В силу возрастающего в последнее время интереса к исследованию русской литературы в контексте христианской культуры вполне уместно рассмотреть творчество И. Бродского с точки зрения осмысления библейских текстов в его ранней лирике, чем обусловлена **актуальность** темы настоящей работы.

Материалом для работы послужил сборник стихотворений И. Бродского “Остановка в пустыне”, ознаменовавший, по мнению ряда исследователей, завершение начального этапа творчества Бродского [7, 99]. В качестве основного использован **метод** мотивного анализа, разработанный и предложенный профессором Тартуского и Колумбийского университетов Б. Л. Гаспаровым для анализа текста как подвижной структуры (смысловой “плазмы”), пронизанной мотивами как “единицами” смысловой индукции.

Цель исследования заключается в выявлении актуальности формально-содержательных заимствований из Священного Писания и особенностей функционирования библейских мотивов в ранних произведениях И. Бродского.

Диалектика движения-остановки, пристальное внимание к теме смерти, времени и пространства – эти конститутивные черты поэтического синтаксиса Бродского предопределили достаточно раннее обращение его к творческому опыту европейского (в первую очередь английского) барокко. Характеризуя особенности барочной культуры XVII в., составной частью которой является поэзия английских метафизиков, В. Муравьев пишет, что она “возникает и созревает внутри искусства Высокого Возрождения как потребность самоосознания стиля, переосмысления изнутри целей и задач искусства в связи с изменившейся социально-исторической перспективой” [4]. В этом аспекте барокко имеет много общего с культурой постмодернизма, на которую во многом ориентируется И. Бродский.

В то же время значительное этическое и эстетическое влияние на становление поэта оказали традиции Серебряного века русской поэзии, в особенности наследие представителей акмеизма – О. Мандельштама и А. Ахматовой. “Поэтика Бродского – это продолжение и развитие (или “сверхразвитие”) семантической поэтики акмеистов”, – отмечал Томас Венцлова [2, 268]. Один из основных и наиболее характерных принципов акмеизма как художественного течения Б. Акимов охарактеризовал как “перекличку с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, “тоску по мировой культуре” (О. Мандельштам) [5, 83]. О верности Бродского этому унаследованному из недр литературной традиции принципу свидетельствует Ольга Седакова, отметившая, что поэт “видит в ней [культуре] предмет любви, средство против расчеловечивания человека” [2, 57].

Библейский текст входит в произведения Иосифа Бродского тройным образом:

а) собственно как памятник культуры, источник актуальных независимо от исторической ситуации мотивов, архетипов и образов (напр., Адам и Ева в *черно-белом раю новостроек* из стихотворения “От окраины к центру” или совокупность библейской метафоры из “Большой элегии Джону Донну”: мотив “библейского

сна”, страстей, грехов, Ада, Рая, уснувшего Господа, Страшного суда, образы ангелов, святых, пророков и проч.);

б) в контексте сакральной действительности богослужения и ключевых дат годового круга церковных праздников (сюда можно отнести функционирование новозаветной символики в рождественских стихотворениях, “Сретенье” (1972) и др.; своеобразное преломление находим также в “Глаголах” с мотивом восхождения на Голгофу);

в) как материал для поэтической интерпретации, создания до известной степени независимого от первоисточника парафраза (яркий пример – стихотворение “Исаак и Авраам”, которое в силу многочисленных “дополнений” к каноническому тексту Священного Писания можно рассматривать как поэтический апокриф).

Разнообразие стратегий использования библейских текстов в произведениях Бродского позволяет говорить об осмыслении поэтом их художественной и культурной значимости с позиций “языкоцентризма”. Священное Писание для Бродского – это не только факт культуры, не только текст, функционирующий в системе богослужения. В первую очередь и несомненно, это – важнейший факт языка, с которым закономерно устанавливается продолжительный и плодотворный диалог, направленный на реализацию культурной преемственности, удовлетворение неизбывной “тоски по мировой культуре”.

Ключевым для Иосифа Бродского в период создания сборника “Остановка в пустыне” становится мотив *движения* – центростремительного (“От окраины к центру”), циклического (полет вокруг Бога в “Большой элегии Джону Донну”) или поступательного (“Рождественский романс”). Движению у поэта противопоставлена остановка, неподвижность, повторение, и эта оппозиция реализуется в символике встречи-разлуки, притом что разлука прочно ассоциируется также с покинутостью, заброшенностью, а в конечном итоге – со смертью (ср. знаковое стихотворение этого периода – “Я обнял эти плечи и взглянул...” или панораму пустующего дома в “Исааке и Аврааме”).

Интересный пример наложения различных векторов движения находим в мотиве *холма*, объединяющем знаковые стихотворения “Холмы” и “Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...”. Ближайшим аналогом разрабатываемой Бродским темы из библейской письменности предстают т.н. “Песни восхождения (ступеней)” – собрание гимнов, включенное в Псалтирь (Пс. 119–133 по Синодальному изданию). “Песни восхождения” исполнялись во время паломничества в Иерусалимский Храм, расположенный на горе (холме) Сион (слово “восхождение” в евр. и греч. языках означает путь в Иерусалим). Постепенно характерное надписание приобрело переносный смысл: эти псалмы наставляют верующего на правильный путь, читая их, человек повышает свой духовный уровень, то есть как бы “восходит”.

Как и в Ветхом Завете, холмы у Бродского служат источником надежды на преодоление экзистенциальных противоречий, внимание наблюдающего целиком поглощено устремлением вверх. При этом особую роль играет диалектика пространства по линии “горé” / “дóлу”, маркированном в псалмах образами

“беззаконий”, “презрения”, “поношения от надменных”, “уничжения от гордых”. У Бродского ассоциативный ряд не менее выразителен, однако акцент поэта стоит на универсальной всеохватности “равнинной” смерти (*Смерть – это тот кустарник, / в котором стоим мы все; Смерть – это наши силы, / это наш труд и пот. / Смерть – это наши жилы, / наша душа и плоть*), образ которой при этом подчеркнута демифологизирован (*Смерть – не скелет кошмарный / с длинной косой в росе*). Таким образом, мотив высот приобретает трансцендентное измерение.

Взору поэта в “Большой элегии Джону Донну” открываются образы спящих ангелов, святых, всадников (ср. Откр. 6:1–8), архангела с трубой (аллюзия на ангелов из Откр. 8:2 *passim.*, а также на Мф. 24:30–31), архангела Гавриила (Дан. 8:16; 9:21, Лк. 1:28–33), херувимов (ср. Быт. 3:24, Исх. 25:18–20; 37:7–9, Ис. 37:16), апостола Павла с *седой главой*, голос которого *уж слишком огрублен суровой речью* и, наконец, самого Господа Бога, который тоже *уснул*. Перед читателем разворачивается картина, которую сам автор обозначает как *библейский сон*, что, безусловно, создает эффект призрачности, иллюзорности происходящего. По М. М. Бахтину, сон со времени появления серьезно-смеховых жанров словесности создает в произведении “возможность совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная (иногда прямо как “мир наизнанку”)” [1, 87]. Таким образом, действующие лица Священной истории становятся у Бродского участниками некоей гротескной драмы наизнанку, структура которой соответствует строению Кафедрального Собора св. Павла в Лондоне (St. Paul's Cathedral), настоятелем которого на протяжении десяти лет (1621–1631 гг.) был Джон Донн.

Парадоксальная сущность чуда спасения Исаака и самоотверженности Авраама неоднократно привлекала к себе пристальное внимание богословов и мыслителей. Наиболее всестороннее освещение этого аспекта ветхозаветной истории содержится в работах датского философа-предэкзистенциалиста Сёрена Кьеркегора (1813–1855), важнейшую из которых – трактат “Страх и трепет” (1843) – Иосиф Бродский читал во время работы над поэмой “Исаак и Авраам”.

Ритм повествования у Бродского существенно отличается от библейского первоисточника. Автор книги Бытия разворачивает нарратив стремительно, быстро, динамично. В противовес ему Бродский растягивает ход событий, порой останавливаясь на наименее существенных деталях. Так, значительное внимание сосредоточено на “холмах песка”, которые со всех сторон окружают бредущих по пустыне Исаака и Авраама; они – *челны в море, которое справа, слева, сзади, всюду*. В этой картине проявляется мотив неустроенности жизни, столь значимый для раннего Бродского, у которого холмы вообще напрямую соотносятся с жизнью (ср. “Холмы”). Но наиболее насыщен философскими смыслами и реминисценциями центральный образ *куста*, проходящий красной нитью через весь текст поэмы. Сравнение Авраама с горящим кустом отсылает к образу Моисея и неопалимой купины из 3-й главы книги Исхода (“куст горит огнём, но не сгорает” – Исх. 3:2). Благодаря кусту Авраам находит место жертвоприношения Исаака. Следующее затем отступление строится по принципу разворачивания сквозного образа-метафоры, заимствованному Бродским у английских поэтов-метафизиков. Эмблематическая

інтерпретація куста внонь фігурує в вставному сні Ісаака, де прежнее толкование возносится на новый, мистико-аллегорический уровень – куст напрямую соотносится с *крестом*. Становится понятной инверсия, предпринятая Бродским в заглавии поэмы: “Исаак и Авраам” – это, прежде всего, *история Сына*, прообраз (прототип) крестной жертвы. Языковые средства напрягаются до предела (образ куста при этом расщепляется на “атомы”, которыми оказываются начертания букв, входящих в слово “куст”), чтобы на вершине своих возможностей отобразить единение дольного и горнего, земного и трансцендентного в Таинстве Креста.

Как и другие произведения, в которых Бродский обращается к осмыслению библейских мотивов (“Большая элегия Джону Донну”, “Сретенье” и др.), “Исаак и Авраам” отмечен светом надежды на преодоление царящих в дольном мире стихий распада и небытия. Однако преждевременно было бы делать на этом основании вывод о специфической христианской направленности поэтического творчества И. Бродского. Нередко Священное Писание становится для поэта источником реализации творческих интенций, созвучных скорее секулярной современности, в условиях которой формировался его идейный мир, нежели традиции, церковному Преданию.

Наиболее значимые стихотворения сборника “Остановка в пустыне” – “Большая элегия Джону Донну”, “Холмы”, поэма “Исаак и Авраам” и другие – объединены топикой сна и надежды, богоизбранности и богооставленности, масштабными противопоставлениями света и тьмы, Космоса и хаоса, реализующимися каждый раз в контексте различных мотивов и образов, большинство из которых напрямую или косвенно восходят к текстам Священного Писания. Использование мотивов *холма, куста, пустоты* в дальнейшем определит в значительной мере особенности идиостиля поэта, для которого преодоление наиболее острых противоречий существования через протест отчаянной надежды в сочетании с “эффектом непрерывности культуры” навсегда останется важнейшим творческим и экзистенциальным императивом.

Таким образом, творчество И. Бродского представляется органичной частью литературного процесса второй половины XX века, периода, в который доминантным свойством культурной парадигматики становится осмысляемая в различных регистрах проблема преодоления человеком, определяющимся в координатах Вечности, нивелирующих начал хаоса и небытия. Священное Писание, которое в пространстве европейской и русской культуры изначально служило вневременным ориентиром, предлагавшим своим читателям непреходящие ценности, образцовые этические и эстетические установки, играло в этом процессе значительную роль, что нашло свое отражение в самых ярких образцах духовной лирики И. Бродского. Вместе с тем, осмысление библейских мотивов сквозь призму идейного универсума поэта приобрело ярко выраженные индивидуальные, субъективные черты (нередко вне зависимости от церковной традиции осмысления этих мотивов), что позволяет сделать вывод о глубокой и сознательной вовлеченности текстов Священного Писания в процесс формирования и эволюции идиостиля Иосифа Бродского.

Литература

1. Бахтин М. Жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского / М. Бахтин // Проблемы поэтики Достоевского. – М. : Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба: итоги трех конференций / [сост. Я. А. Гордин]. – СПб. : Журн. “Звезда”, 1998. – 320 с.
3. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература : [учебн. пособие] : [в 2-х т.] / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : ИЦ “Академия”, 2003. – Т. 2 : 1968–1990. – С. 641–667.
4. Львофф Б. Джон Донн и Иосиф Бродский [Электронный ресурс] / Б. Львофф. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2009/02/16/101>.
5. Поэзия Серебряного века : [антология] / [статьи, предисл. разделов, биограф. обзоры, аннотации, справочные материалы, библиография и примечания Б. С. Акимова]. – М. : Мир книги ; Литература, 2007. – 464 с.
6. Ранчин А. На пиру Мнемозины: интертексты Бродского / А. Ранчин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001 – С. 11.
7. Рогинский Б. “Это такая моя сверхидея...” (О ранних стихах Бродского) / Б. Рогинский // Звезда. – 2000. – № 5. – С. 99–103.

Анотація

У статті розглянуто особливості функціонування формально-змістових запозичень зі Святого Письма у творах раннього періоду творчості Й. Бродського. Автор простежує механізми залучення та способи представлення біблійних мотивів у поезіях збірки “Остановка в пустыне” на фоні релігійно-філософських пошуків представників західноєвропейського бароко та поетів російського Срібного віку. На основі підсумків проведеного дослідження робиться висновок щодо преемності поезії Й. Бродського у межах культурно-історичної традиції, встановлюється її роль та місце у літературному процесі другої половини ХХ століття.

Ключові слова: мотивний аналіз, ідіостиль, духовна лірика, акмеїзм, бароко.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования формально-содержательных заимствований из Священного Писания в произведениях раннего периода творчества И. Бродского. Автор прослеживает механизмы вовлечения и способы представления библейских мотивов в стихотворениях сборника “Остановка в пустыне” на фоне религиозно-философских поисков представителей западноевропейского барокко и поэтов русского Серебряного века. На основе итогов предпринятого исследования делается вывод о преемственности поэзии И. Бродского в рамках культурно-исторической традиции, устанавливается ее роль и место в литературном процессе второй половины ХХ века.

Ключевые слова: мотивный анализ, идиостиль, духовная лирика, акмеизм, барокко.

Summary

The article discusses the features of the functioning of the formal and content borrowings from the Holy Scriptures in the works of Joseph Brodsky's early. The author traces the mechanisms of the involving and the representation of biblical motifs in the collection of poems “Stop in the Desert” (“Ostanovka v pustyne”) against the backdrop of religious and philosophical searches of the representatives of the Western European Baroque and Russian poets of the Silver Age. The conclusion on a continuity of Brodsky's poetry in the cultural and historical tradition is based on the results of the research, also the role and place of this poetry in the literary process of the second half of the twentieth century is established.

Keywords: motivic analysis, idiostyle, spiritual lyrics, acmeism, baroque.